

«КАРТА РОССИИ» АГУКЁЧЖИДО 俄國輿地圖 (корейский источник XIX в. о российском Приморье)*

Сергей Юрьевич ВРАДИЙ,

кандидат исторических наук, зам. директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток. E-mail: vradis@yandex.ru

В статье предложен анализ уникального документа — «Карты России» 俄國輿地圖 — первого корейского описания российского Приморья второй половины XIX столетия, в единственном экземпляре хранящегося в библиотеке Академии наук корееведения (Республика Корея). В тексте карты имеются описания жизни и быта корейских поселенцев, бежавших от нищеты, голода и притеснений в пределы России. На ней отображены военные объекты, приведены количественные характеристики охранных войск, оборонительные сооружения пограничных территорий России, Кореи и Китая. «Карта России» Агукёчжидо является важным источником сведений по истории раннего периода российско-корейских отношений.

Ключевые слова: российско-корейские отношения XIX в., карта российского Приморья, корейская эмиграция

«The Map of Russia» 俄國輿地圖 (Aguk-yeojido) — The XIX Century Korean Source about Russia Far East. S.Yu. VRADIY (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Peoples, FEB RAS, Vladivostok).

The paper is dealing with the unique document — “The Map of Russia”. The Map and accompanied description assumed to be one of the first important and rare documents related to the early history of Russia-Korea relations. In addition to the Map there is a description of the contemporary XIX century Qing China and Russia relations, the disposition of the military fortifications, quantity of Koreans living within the territory, the border line. It provides an invaluable records about the border territories of China-Russia-Korea, esp. in Tumen river adjacent areas. It describes also the Korean settlements in Primorsky Russia. It is one of the first documents written by Koreans about Russia Far East.

Key words: XIX century Russia-China-Korea relations, the Map of Russia, Korean migration to Russia Far East

Географическая карта является неоценимым источником сведений из различных областей человеческой культуры. Она не только фиксирует местоположение объектов на земной поверхности, но и свидетельствует об уровне развития науки, мастерстве художественного исполнения, по-

* Работа выполнена при поддержке Академии корееведения (AKS-2009-R34). This work was supported by a grant from the Academy of Korean Studies.

казывает состояние и развитие общественных отношений. Может быть использована при анализе культурных обменов между регионами, для изучения истории взаимоотношений государств.

Карта отражает уровень накопленных знаний и традиционных представлений об окружающем мире. Среди восточноазиатских стран, испытывавших культурное воздействие Китая, в древности было принято изображать мир плоским, прямоугольной формы, основываясь на концептуальном представлении о том, что «сфера небес — округла, а земля — плоская». Несмотря на тот факт, что картография в Китае развивалась независимо от европейских традиций, тем не менее карты, относящиеся ещё к временам правления династии Западная Хань (206 г. до н.э. — 25 г. н.э.) по своей детальности и характеру присутствующих на них изображений сравнимы с топографическими. По точности они иногда даже превосходили более поздние европейские карты. Китайские картографы неизменно пользовались прямоугольной сеткой координат, которую впервые применил великий китайский астроном и математик Чжан Хэн (78—139 гг. н.э.).

Корейское картографирование, воспринявшее традиции Китая, было на достаточно высоком уровне в период правления династии Чосон (1392—1910), причём составление карт считалось важным государственным делом и имело систематический характер. Среди известных образцов корейской картографии можно назвать рельефную географическую карту Кореи 大東輿地圖 Тэдонъёчжидо. Вырезанная в 1861 г. из дерева выдающимся географом 金正浩 Ким Чжон Хи (ок. 1804—1864), она считается одной из самых подробных карт Корейского полуострова, изготовленной в традиционном стиле с использованием известных для своего времени картографических методов. Выполнена в масштабе 1:160 000 и является одной из самых больших (высота 6,7 м, ширина 3,8 м) рельефных карт Кореи. Занесена в список объектов национального достояния.

«Карта России» Агукёчжидо 俄國輿地圖, первое корейское описание российского Приморья, в единственном экземпляре хранится в историко-географическом разделе библиотеки Чансогак 藏書閣 (инвентарный номер 2—4611) Академии наук корееведения (г. Соннам, Республика Корея). В сложенном виде она представляет собой альбом, изготовленный в традиционном стиле по её размерам. Десять сложенных вдвое листов карты, а также два листа с оглавлением и комментариями идут последовательно один за другим, склеены между собой «гармошкой». Пагинация отсутствует. Размеры развёрнутого листа карты по разным источникам составляют 35,5—35,8 × 27,1—27,3 см.

Титульный лист оранжево-апельсинового цвета, в левом верхнем углу на специальной этикетке вертикальной строкой написано «Карта России». Ниже следует подзаголовок: «Дополнительно [изложено] состояние российско-китайских отношений, [число] войск охраны границ, количество нашего народа¹, сопоставлена пограничная линия». На титульном

листе присутствует старый инвентарный номер (1391/54). Последняя проверка и осмотр документа, как свидетельствует пометка-вклейка, были осуществлены в 2005 г.

За титульным листом идёт оглавление, в котором в той же последовательности, что и на страницах карты, перечислены названия 29 поселений и районов с указанием количества дворов и числа жителей. На десяти листах карты нанесены символические изображения жилых домов, общественных зданий, складов, арсеналов, церквей, кораблей, мостов, нарисованы линия электрической связи, примитивные схемы военных укреплений, портовое хозяйство. Линиями красного цвета прочерчены дороги. Отображён также рельеф местности, показаны лесная растительность, безлесные участки, горные хребты, реки, озёра. Отдельно обозначены селения, где проживали русские, а где — корейцы, а также местные жители. Рисунки выполнены символически примитивно, без претензий на художественность. Перспектива отсутствует. Все объекты, нанесённые на карту, раскрашены в чёрный, красный, а также светлый и тёмный оттенки синего, зелёного, коричневого цветов. Сохранность листов удовлетворительная.

Легенда карты, т.е. перечень условных знаков и пояснений, отсутствует, как не обозначены и стороны света. Очертания рельефа местности, береговой линии, прибрежные острова нанесены неточно, приблизительно, а иногда неверно. Есть местности, обозначенные гипотетически, подобия которых трудно отыскать в действительности. Причиной могло быть то, что составители карты, недостаточно осведомлённые в геодезии, не отличали, видимо, распросных сведений от основанных на съёмках с помощью хороших инструментов для астрономического определения места и описания. Следует заметить, что топографические планы, или (точнее) землемерные съёмки, с давних времён известны в Корее. Они были необходимы при сборе податей с земельных участков, что невозможно сделать без точного знания их границ.

На полях карты имеются рукописный текст и пояснения, выполненные аккуратным каллиграфическим почерком тушью при помощи кисти. Можно рассмотреть дополнения и поправки к тексту, нанесённые тушью чёрного цвета. Текст карты написан на древнекитайском языке *вэньянь* принятом среди образованных людей не только в Китае, но и в Корее, Японии. В тексте присутствуют иероглифы, которые невозможно найти в китайских словарях, они были распространены только в Корее².

Несмотря на название «Карта России», предполагающее описание обширной Российской империи, на самом деле на ней обозначены лишь дальневосточные земли российского Приморья, куда с 60-х гг. XIX столетия стали переселяться корейцы.

Исходя из данных, приведенных на карте, непросто определить размеры и географическое расположение на земной поверхности указанных населённых пунктов. Географическую идентификацию затрудняет

имевший место традиционный тип расселения корейцев, когда обозначалась (как это принято на карте) обрабатываемая сельскохозяйственная территория, занимавшая обширные площади, что трудно сопоставимо с нынешними географическими наименованиями. Дополнительную сложность для идентификации того или иного населённого пункта создают неоднократные переименования, переселения жителей, происшедшие на указанном географическом пространстве. Завершает альбом-карту страница с текстом под названием «Предисловие с комментариями к карте Китая и России, [и заметками] о состоянии дел», подписанным именами Ким Гван Хуна 金光薰 и Син Сон Ука 申先郁.

Карта обнаружена относительно недавно. Научному обществу о ней впервые поведал в 1972 г. профессор Ю Ён Бак [9]. В 1994 г. фотокопии листов карты были опубликованы во втором томе «Сборника материалов по корееведению» вместе с рядом других документов, посвящённых ранней истории российско-корейских, китайско-корейских отношений [5]. Текст³ сопровождался научными комментариями, которые были написаны известным исследователем истории взаимоотношений России и Кореи, профессором Ханьянского 漢陽 университета Син Сынг Воном [6].

В 2007 г. факсимиле Агукёчжидо было опубликовано отдельной книгой в издательстве Академии корееведения [7]. Перевод текста с древнекитайского языка на корейский и комментарии к нему выполнены сотрудником библиотеки Чансогак д-ром Ли Ван Му [8].

Идентификация рукописи, определение кем и когда была написана карта, затруднены тем, что отсутствует колофон, т.е. не указаны ни составители карты, ни авторы текста, нет и датировки. Эти вопросы интересовали исследователей, пытавшихся идентифицировать карту опосредованно, на основании имеющихся в тексте упоминаний тех или иных событий с учётом дополнительных данных и принятой в странах дальневосточного региона системы летосчисления по 60-летним циклам.

Чтобы точнее идентифицировать карту, кратко охарактеризуем время, на которое предположительно приходилось её создание. Вторая половина XIX столетия стала важным периодом в истории российско-китайских, российско-корейских отношений. Подписанные в 1858 г. Айгунский и Тяньцзиньский договоры, Пекинский договор 1860 г. очертили восточные рубежи русско-китайской границы. Тогда же был обозначен и небольшой по протяжённости участок российско-корейской границы. Пекинский договор гласил: «...Граничная между двумя государствами линия от истока реки Сунгача пересекает озеро Ханкай и идёт к реке Бэлэнхэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хибиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекою Хуньчунь и морем, до реки Тумыньцзян. Здесь также земли, лежащие на восток, принадлежат Российскому государству, а на запад — Китайскому. Граничная линия упирается в реку Тумыньцзян на двадцать китайских вёрст (ли) выше впадения её в море» [4; 2, с. 69].

Корейское правительство уделяло определённое внимание своим северным рубежам. Однако факт подписания российско-китайского договора, по всей видимости, не был вовремя доведён до сведения королевского двора китайскими переговорщиками, традиционно считавшими Корею своей зависимой территорией. Да и разграничение по р. Туманган оказалось, по свидетельству южнокорейского исследователя, неожиданным для королевского правительства [6, с. 38]. Между тем насущной потребностью для вновь обретённых Россией дальневосточных территорий являлось скорейшее увеличение численности населения, которое способно было разрешить проблему недостаточного продовольственного снабжения. Понимая это, российские власти способствовали тому, чтобы корейцы активно разрабатывали плодородные приморские земли, снабжая сельскохозяйственными продуктами войска и местные рынки. С этой целью вновь переселившимся корейцам, в большинстве своём обездоленным и нищим, выдавались зерно, орудия обработки земли, тягловый скот, выделялись участки для возделывания [11, р. 9].

Одновременно в правительственных кругах России рассматривался вопрос о подписании мирного договора с Кореей, одним из пунктов которого должна была стать регламентация приграничной торговли и правил проживания этнических корейцев на российских землях⁴. Летом 1884 г. русско-корейский договор о торговле был подписан, однако вышеназванные важные вопросы не нашли в нём своего отражения⁵.

В 11 месяц 21 года правления короля Коджона 高宗 (1864—1907), носившего по традиционной системе летоисчисления наименование года Капсин (1884), в Корее произошёл переворот, после подавления которого усилились позиции Китая, но при этом сохранились неизменными агрессивные устремления Японии проникнуть в страну. Король Коджон, напуганный перспективой перерастания японо-китайских противоречий в вооружённый конфликт на территории Корейского полуострова, стремился найти альтернативу посягательствам Японии и избавиться от назойливого вмешательства во внутренние дела со стороны Китая. Определённые надежды на будущее своей страны Коджон связывал в этот период с Россией. Являясь, по представлению корейского двора, более мощной державой, нежели Китай и Япония, Россия могла выступить в качестве баланса в противостоянии Кореи колониальным притязаниям стран Запада.

Вышеназванные побудительные мотивы подвинули короля Коджона вскоре после переворота года Капсин тайно направить в российское Приморье⁶ государственных чиновников высокого ранга Квон Дон Су 權東壽 и Ким Ён Вона 金鏞元, которых сопровождали Ким Гван Хун 金光薰 и Син Сон Ук 申先郁. Исследователи полагают, что в ходе посещения миссией дальневосточных земель России были собраны сведения, использованные при составлении карты. Авторство карты корейские учёные единодушно приписывают Ким Гван Хуну и Син Сон Уку, исходя из того, что их именами подписано предисловие к карте.

Впервые примерную дату составления карты назвал профессор Ю Ён Бак 柳永博 в публикации 1972 г. Определяя по историческим источникам время пребывания Ким Гван Хуна и Син Сон Ука в российском Приморье, он предположил, что годы создания карты — это вторая половина правления короля Коджона, т.е. время, начиная с 80-х гг. XIX столетия [9]. Профессор Син Сынг Вон в своих комментариях к тексту уточнил датировку, посчитав, что карта была написана в 1885—1886 гг. после возвращения Ким Гван Хуна и Син Сон Ука из России [6, с. 47—48]. Примерно этой же датировки (1884—1886) придерживается и д-р Ли Ван Му [8, с. 59].

Обратим внимание на немаловажную деталь, присутствующую в предисловии, но которая почему-то не была прокомментирована исследователями: «Последние 16 лет, останавливаясь в китайских и российских [землях], понемногу высматривали пограничные рубежи, допытывались о состоянии дел, [в итоге] составлена Карта и подготовлены наброски о тайно разведанном» (Карта России. Предисловие [5]). Несмотря на то что указанные 16 лет не помогают понять, когда карта была завершена и представлена королевскому двору, тем не менее свидетельствуют о том, что временной промежуток сбора информации и составления её был более длительным, нежели те два года, на которых настаивают южнокорейские исследователи.

В тексте говорится о планируемом строительстве железной дороги, которая должна связать Владивосток с Уссурийском (Карта России. Сунхуаньин [5]). Начало возведению этого железнодорожного участка, как известно, было положено во время посещения Владивостока цесаревичем Николаем Александровичем весной 1891 г. Этим временем мы вправе ограничить верхнюю датировку составления документа.

Наличие разнообразных, иногда противоречивых данных о сроках пребывания предполагаемых авторов карты в Приморье и времени возвращения их в Корею требует более осторожного подхода к вопросу об авторстве и датировке документа. Учитывая приведённые доводы, время составления карты, по нашему мнению, следует отнести к 80-м гг. XIX столетия. Уточнить сроки и авторство документа позволит последующая кропотливая работа с архивными материалами.

Анализ содержания текста карты свидетельствует о том, что составители больше внимания обращали на крупные российские поселения, нежели на разбросанные деревеньки корейцев. При этом тщательно фиксировались наличие гарнизонов, их военное состояние, укрепления, количество и расположение артиллерийских орудий, число регулярных войск, их принадлежность, военные коммуникации. На военные цели составления карты указывал первый исследователь документа профессор Ю Ён Бак [9, с. 20].

О разведывательных задачах миссии подробно повествует в своих комментариях Ли Ван Му, настаивая на том, что приоритетной целью

составления карты была военная. При этом столь подробные сведения не по силам было собрать самостоятельно Ким Гван Хуну и Син Сон Уку. Существенную помощь, по мнению исследователя, им оказывали проживавшие в Приморье корейцы, создавшие разветвлённую «сеть информаторов на местах», которые собирали конфиденциальные сведения оборонительного характера долгий, предшествующий появлению корейской миссии в России промежуток времени [8, с. 61]. Отметим, что на карте приводятся сведения разведывательного характера не только о России, но и пограничных территориях Китая, например, о системе командования и состоянии военных укреплений приграничного Хуньчуньского гарнизона.

Не менее важной, по нашему мнению, задачей миссии, которой д-р Ли Ван Му отводит второстепенное место, был сбор сведений о проживавших в Приморье корейцах. Исследование процессов, которые сегодня принято называть миграционными, включало изучение жизни и быта корейских переселенцев. При этом следует учесть тот факт, что, незаконно пересекая порубежную р. Туманган, корейцы автоматически становились нарушителями королевских законов и за это еще недавно полагалась смертная казнь [11, р. 11]. Ситуация изменилась к концу XIX столетия. Признавая факт присутствия корейцев за границей, двор предполагал извлечь из этого определённую выгоду. При описании корейских селений аккуратно записывалось число дворов, количество корейских жителей и площадь прилегающей территории. Экспедиция, как сообщается в оглавлении, насчитала «всего 29 поселений», начиная от Лутуньдао, что вблизи российско-корейской границы, и на север до Шамоли, в которых было «...2640 дворов с общим числом жителей 20 313 человек» (Карта России. Оглавление [5]).

Описание каждого селения начинается с его географической привязки к местности, при этом даётся расстояние в ли⁷ до ближайших или наиболее крупных селений. Указывается количество семей-дворов, число проживавших корейских переселенцев, описываются предметы местного промысла, производства, что выращивалось на прилегающих землях, насколько они плодородны, что вылавливалось в близлежащих водоёмах.

Начальные строки текста карты описывают Лутуньдао (кор. Ноктундо, рос. Красное Село), первое пограничное поселение на территории России: «На 70 ли с юга на север и на 30 ли с востока на запад [раскинулась] обширная, неспаханная равнина с [пригодными для] сельскохозяйственной [обработки] плодородными землями. На расстоянии 30 ли к югу [расположено селение] Сишуйло, 15 ли на запад — Цзаошаньбао. 100 ли на северо-запад [располагается] Цинсинфу, 70 ли на север — Жуйсяньцзэ. На западе огибает [река] Доуцзян, на востоке [земли] выходят к океану» (Карта России. Лутуньдао [5]). Вышеприведённая цитата, относящаяся к описанию российского пограничного населённого пункта, побудила д-ра Ли Ван Му обратиться к вопросу об исторической принадлежности земель Кореи, о чём он подробно повествует в своих комментариях [8, с. 62—65].

Корея издавна страдала от недостатка плодородных земель, пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур. Сразу за рекой, на российской территории, находились обширные, плодородные угодья. Об этом постоянно напоминают авторы, описывая Приморье. Там проживают корейцы, которые, по словам составителей, не платят налогов ни корейскому правителю, ни русскому царю, но при этом «...соблюдают нравы и обычаи родной страны... не забыли милостей правивших династий, несколько сот лет вскармливавших» их (Карта России. Лутуньдао [5]).

Что было важно для членов миссии, и это постоянно отмечалось в тексте, — приверженность корейских переселенцев традиционной культуре, преданность своему правителю. Категоричность данного утверждения (иного, впрочем, и нельзя было ожидать от официальных представителей правящего корейского дома) можно подвергнуть сомнению свидетельствами других авторов. Так, американский исследователь А. Малоземов пишет о том, что переселившиеся «...корейцы с готовностью перенимали обычаи и язык русских» [11, р. 11].

Условия жизни и быта корейских поселенцев на российской территории были описаны известной путешественницей, талантливой писательницей Изабеллой Л. Бишоп (Henrietta Bird, 1831—1904), которая в период с 1894 по 1897 г. совершила четыре путешествия по Корее. Посетив близлежащие территории Маньчжурии, Сибири, Дальнего Востока, она живописно отразила свои впечатления в книге «Korea and Her Neighbours», опубликованной сразу после китайско-японской, в канун русско-японской войны, что имеет несомненную ценность по изучению новой истории Кореи и сопредельных государств [10].

Приведём описание корейских деревень и её жителей в российском Приморье, данное путешественницей: «Большинство жилищ имели по четыре, пять, а то и шесть комнат, стены и потолки покрыты бумагой, причудливо украшенные двери и окна с вправленной полупросвечивающей бумагой, покрытые циновками полы, мебель, которую не всегда увидишь даже в богатых домах Кореи. Шкафчики с выдвигаемыми ящиками, бюро, коробка под рис из резного дерева с причудливыми латунными украшениями, невысокие столики, стулья, диванные подушки, латунные самовары, буфеты с набором медной посуды, латунные чашки, фарфор, посуда для чая, медные подсвечники, латунные керосиновые лампы и изобилие прочей утвари служили свидетельством благополучия. Картины царя и царицы, Христа, греческих святых, оправленные в рамки лики христианских святых заменили мазню картин семейных демонов во многих жилищах. За их дверями — амбары, полные зерна, лошадки, кобылы с жеребятами, чёрные свиньи улучшенной породы, тягловый скот и скот на откорм, предназначенные для Владивостокского рынка, всё это вместе с повозками и сельскохозяйственным инвентарём свидетельствовало о солидном материальном достатке. Невозможно путешественнику

встретить большее гостеприимство и столь чистое и приспособленное жильё, чем встретила я в этих корейских домах» [10, р. 235].

А вот ещё одно наблюдение из книги И. Бишоп: «В Корею я привыкла думать о корейцах как об отбросах человечества, считала их положение безнадежным, но в Приморье увидела то, что значительно изменило моё представление. Следует иметь в виду, что эти люди, превратившиеся в процветающий класс фермеров, приобретшие прекрасные созидательные навыки и хорошее поведение от российских полицейских, служащих, российских поселенцев, военных офицеров, не были исключительно прилежными и бережливыми. Это были преимущественно голодные люди, бежавшие от стихийных бедствий, а их процветание и манеры поведения дают мне надежду на то, что их соотечественники в Корею, будь у них честное управление и защита нажитого, могли бы постепенно стать людьми» [10, р. 236].

Несмотря на имеющиеся в тексте карты записи, которые повествуют о притеснениях, якобы чинимых со стороны российских властей относительно корейцев, её содержание свидетельствует о том, что корейцы обычно селились недалеко от российских охранных постов, пограничных застав, защищавших корейские деревни от частых набегов с китайской территории банд хунхузов. Примеры разбоя, чинимого как китайскими хунхузами, «...которые пересекали границу, чтобы грабить корейские деревни», так и полуголодным, обкрадываемым своими же офицерами маньчжурским воинством, «...создавшим такой террор, что крестьяне вынуждены были бежать из своих жилищ по огромной территории», приводит в своей книге Изабелла Бишоп [10, 237—238]. Практически на всех листах карты обозначены российские охранные посты пограничной стражи (防戍), заставы, которые соседствовали либо располагались в поселениях, где, как указано в тексте, «проживает наш народ», т.е. корейцы.

Русские войска защищали корейские деревни и от проживавших на территории российского Приморья коренных жителей, о чём свидетельствует карта. Так, в описании корейской деревушки Доубихэ 都埤河 присутствует запись: «Прежде проживавшие [здесь] Ху⁸ намеревались навредить недавно переселившемуся нашему народу. [Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] наш народ⁹. Для охраны вновь учредили пост, расположив 1000 военных поселенцев» (Карта России. Доубихэ [5]).

Аналогичная запись присутствует и при описании местности Сучен 蘇城, где также проживали корейцы: «Первоначально здесь было 400—500 дворов Ху. Русские, полагая, что [местные] намерены погубить наш народ, изгнали всех жителей Ху. А для того чтобы защитить наш народ, возвели лагерь, [разместив в нём] охранные войска» (Карта России. Сучен [5])¹⁰.

Подробно и живописно изображён в тексте и на карте Владивосток, который в 1880 г. получил статус города, равный по рангу Кронштадту. Описание городского рельефа, ориентация местности выполнены алле-

горически в соответствии с даосской практикой освоения пространства Фэншуй. Привлечены характеристики Инь и Ян (мужского и женского начала), пяти элементов (огонь, металл, земля, дерево, вода), другие традиционные для восточной космогонии признаки, определяющие гармонию и дисгармонию окружения в жизни человека. Ориентация в пространстве по сторонам света осуществлена на основе традиционных представлений, когда для обозначения севера упоминается Чёрное воинство «Сюаньбу» 玄武, мифологические божества, изображавшиеся в виде змеи и черепахи, а для указания на западный сектор неба привлекается аллегория белого тигра. Автор текста приходит к заключению, что в результате взаимодействия отрицательного начала мироздания Инь с положительным началом Ян в данном месте сформировался «большой город, крупнейший порт стран Восточного океана»¹¹ (Карта России. Хайшеньвэй [5]).

Обращает на себя внимание удивление, которое испытывают авторы текста по поводу увиденных в российском Приморье средств коммуникации, организации и масштабов военных гарнизонов, совершенства промышленных предприятий, развитости портового хозяйства.

«Карта России» Агукёчжидо, составленная в 80-е гг. XIX в., является, по словам южнокорейских исследователей, важным источником сведений по истории российско-корейских отношений [6, с. 38]. Она свидетельствует об эволюции внешней политики Кореи, наметившейся в конце XIX столетия. К этому времени явно проявились интересы разных государств на Корейском полуострове. В этих условиях Корея стремилась защитить себя, выработать стратегию поведения в новых, нелёгких для неё условиях. В поисках альтернативы усиливавшейся агрессии со стороны европейских держав и Японии, пытаясь устранить китайское вмешательство во внутренние дела, корейский двор проявил заинтересованность в развитии отношений с Россией.

Официальные дипломатические контакты между государствами начались после подписания в июле 1884 г. российско-корейского мирного договора, через несколько месяцев в пределы России королём Коджонном была направлена миссия¹². Документ является свидетельством того, как Корея, стремясь избавиться от многовековой опеки со стороны Китая, начинала укреплять свои взаимоотношения с Россией. Появление карты вскоре после подписания договора служит подтверждением факта, что это была первая попытка Кореи составить представление о соседнем государстве — России.

В тексте карты имеются описания жизни и быта корейских поселенцев, бежавших в начале с 60-х гг. XIX столетия от нищеты, голода и притеснений со стороны чиновничества в поисках лучшей доли в пределы России. Королевский двор стал более терпимо относиться к факту присутствия корейцев за границей, что ещё недавно было строго запрещено, а нарушители подвергались суровому наказанию. Побудительным мотивом изменения отношения к эмигрантам были собственные интересы:

использовать их для сбора информации разведывательного характера о соседних государствах, попытаться взимать налоги в казну.

Помимо собственно географических на карте представлены сведения о растениях, животных и других естественнонаучных достопримечательностях Приморья, о событиях из истории взаимоотношений России, Кореи и Китая. Карта могла быть использована современниками для уточнения параметров пограничной линии, изучения состояния российско-китайских приграничных отношений, анализа пограничного вопроса¹³. На ней отображены военные объекты, приведены количественные характеристики охранных войск, оборонительные сооружения пограничных территорий. По свидетельству сотрудников библиотеки Чансогак Академии корееведения, хранителей раритетного документа, она является одной из немногих, если не единственной цветной картой, отображающей военные реалии иностранных государств [8, с. 59], — сопредельных Китая и России.

Промышленные предприятия, система транспортного сообщения, связь, развитое портовое хозяйство в городах российского Приморья представлены на страницах карты. В тексте имеются сведения о политической, экономической жизни северной страны, недавно появившейся на дальневосточных рубежах и формирующей стратегию взаимоотношений с соседними государствами. Сам документ, считает корейский исследователь, — это «доклад о продвижении Великой России на Восток», представленный вниманию правителя Кореи [8, с. 61].

¹ «Наш народ» 我民 — имеются в виду корейские поселенцы.

² К примеру, иероглифы, присутствующие в тексте карты в районе озера Синху (оз. Ханка), составлены из двух элементов: верхний 於 и нижний 乙, корейское чтение этого знака — «Оль»; или слева — 普, справа — 王, аналогов в китайском языке не найдено.

³ Вместе с факсимиле карты, текст которой записан полными вариантами иероглифов древнекитайского языка вэньянь, составителями сборника был опубликован тот же текст, написанный принятыми ныне в Китае упрощёнными иероглифами, иногда ошибочно по сравнению с оригиналом.

⁴ Министр сообщения К. Н. Посьет (1819—1899) писал в 1874 г. в меморандуме правительству: «Поскольку Приморская и Амурская области страдают от недостатка зерна, скота и рабочей силы, необходимо установить тесные отношения с Кореей, в которой всё это присутствует» [3; 11, р. 15].

⁵ Более подробно о событиях, предшествовавших подписанию русско-корейского договора, см.: [1; 12].

⁶ Посещение делегацией российского Приморья некоторые южнокорейские учёные связывают с историей так называемых «секретных русско-корейских договоров» 1885—1886 гг. Значительный архивный материал относительно визита корейской делегации приведён в монографии Б. Д. Пака «Россия и Корея» [2].

⁷ Ли — мера длины, одна корейская ли (миля) равняется 0,393 км, китайская — около 0,516 км.

⁸ 胡 Ху — общее название северных чужеземных тунгусо-маньчжурских народов, проживавших на территории современного Приморья и Приамурья. Корейские исследователи считают, что в тексте упоминаются маньчжуры [7, с. 31].

- ⁹ Между тем корейский перевод текста гласит: «[Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] свой народ» [7, с. 49]. Корейский вариант перевода текста карты даёт трактовку 我民 как «свой народ», т.е. расселили здесь русских, что, по нашему мнению, неверно, поскольку корейцы — авторы текста не могли писать о русских, как о «своём народе».
- ¹⁰ А вот как переводит этот отрывок корейский исследователь: «Русские, полагая, что [местные] намерены погубить их (!?) народ, изгнали всех жителей Ху. А для того, чтобы защитить свой (!?) народ, возвели лагерь, [разместив в нём] охранные войска». [Карта России, 2007. С. 49]. Здесь также присутствует неправильная, на наш взгляд, трактовка термина 我民 в корейском переводе текста карты как «их народ», «свой народ», т.е. русские.
- ¹¹ Упомянутый в тексте Восточный океан включал акваторию Жёлтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.
- ¹² Архивные документы свидетельствуют о том, что побудительным мотивом отправления Коджоном миссии было также стремление ускорить ратификацию подписанного российско-корейского договора и дополнить его пунктами о сухопутной приграничной торговле [2, с. 86].
- ¹³ Информационное содержание текста позволяет отметить некоторое превосходство и первенство текстового изложения над картой, непосредственно чувственного восприятия и описания пространства и событий над абстрактно-картографическим изображением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956.
2. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979; Его же. Изд. второе, доп. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004.
3. Посьет К.Н. Прекращение ссылки в Сибирь // Русская старина. 1899. XLIX. № 7.
4. Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы. М., 1958.
5. 江北日記·江左輿地記·俄國輿地圖 = «Дневники [миссии на] северный берег реки». «Заметки о левобережных землях». «Карта России». 城南市 Соннам: 韓國精神文化研究院 = Академия духовной культуры Кореи, 1994.
6. 幸承權 Син Сынг Вон 江左輿地記·俄國輿地圖解題 = Комментарии к «Заметкам о левобережных землях» и «Карте России» // 江北日記·江左輿地記·俄國輿地圖. Указ. соч. 1994. С. 38—51.
7. 俄國輿地圖 = «Карта России» Агукёчжидо. 城南市 Соннам: 韓國學中央研究院 藏書閣 = Изд-во библиотеки Чансогак Академии корееведения, 2007. 66 с.
8. 李旺茂 Ли Ван Му. «아국여지도»와 XIX 세기말 조선의 관방 의식 = «Карта России» Агукёчжидо 俄國輿地圖 и представления о защите границ 關防 в Корее в конце XIX столетия // 俄國輿地圖 = «Карта России» Агукёчжидо. Указ. соч. 2007. С. 58—65.
9. 柳永博 Ю Ён Бак 俄國輿地圖 = «Карта России» Агукёчжидо // 國學資料 «Кукхак чарё». 1972, февр. С. 18—21.
10. Bishop, Isabella L., Bird. Korea and Her Neighbours. A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country. — (1st ed. — New York, 1898); reprint. Seoul: Yonsei University Press, 1970.
11. Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881—1904. Berkeley: Univ. of California Press, 1958.
12. Syn Seoung Kwon. The Russo-Japanese Rivalry over Korea, 1876—1904. Seoul: Yuk Phub Sa, 1981. 215 p.; reprint. 1983.